

Soobshhestvo. Upravlenie [Human. Community. Control], 2004, №1, pp. 24–35.

4. Lotman L.M. I. S. Turgenev [I.S. Turgenev]. *Istoriia russkoi literatury* [The history of Russian literature]. Leningrad, 1982, pp. 120–159.

5. Pushkin A.S. Evgenii Onegin: Roman v stihah [Eugene Onegin: A Novel in verse]. *Pushkin A. S. Polnoe sobranie sochinenii: V 10 tomah* [Pushkin A. S. The Complete Works: in 10 volumes]. Leningrad, 1978. Vol. 5, pp. 5–184.

6. Turgenev I.S. Dvorianskoe gnezdo [Home of the Gentry]. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem v 30 tomah* [Complete works and letters in 30 volumes]. Leningrad, 1978, Vol. 6.

7. Shhennikova L.S. Dilettantizm kak kul'turnoe iavlenie [Dilettantism as a cultural phenomenon]. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Pskov State University], 2011, №13, pp. 12–14.

УДК 81'276.1[811.161.2+811.351.32]

Э.С. Ветрова

Таврическая академия, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского
(г. Ставрополь)

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ГЕНДЕРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В УКРАИНСКИХ И ЛЕЗГИНСКИХ ОБРАЩЕНИЯХ

Статья посвящена сопоставительному исследованию гендерных особенностей речевого поведения украинцев и лезгин в ситуации обращения. Рассматриваются вокативы, в которых наиболее ярко отражается гендерный фактор, изучается их влияние на эффективность коммуникации. В результате анализа в обращениях обоих языков обнаружены гендерные асимметрии и тенденция к андроцентричности. Установлено, что в лезгинском языке данные явления проявляются более рельефно, о чем свидетельствуют строго регламентированное общение между мужчинами и женщинами, четкое разграничение «мужских» и «женских» вокативов. В украинской культуре различия между «мужскими» и «женскими» обращениями не столь значительны, а отношения между полами более демократичны. Автор констатирует, что специфика репрезентации гендерных отношений в сопоставляемых языках обусловлена как экстралингвистическими, так и собственно-языковыми факторами.

Речевое поведение, тональность общения, обращения, гендерные асимметрии, андроцентричность, «мужественность», «женственность», украинцы, лезгины.

The article presents the results of a comparative analysis of gender characteristics in verbal behavior of representatives of unrelated cultures in the situation of “address”. The use of vocatives in male and female speech is studied, on the ground of the material of the Ukrainian and Lezgin languages; universal and nationally specific features in their semantics and realization of communication are determined. Particular attention is paid to the identification of gender asymmetries in verbal behavior of men and women in each culture. The causes of gender differences are analyzed; their impact on the communication effectiveness is studied. It was found out that addresses in both languages tend to androcentricity. Furthermore, the Lezgin language is more androcentric as compared to Ukrainian, which is manifested in a strictly regulated and restrained nature of the interaction between people of different sexes, a rigid demarcation between male and female vocatives. In Ukrainian there is no clear boundary between the male and female versions of addresses, and communication between the sexes is more democratic in nature. As a result of the research, the author concludes that the reflection of gender relations in Ukrainian and Lezgin addresses has a high ethnic and cultural specificity, due to both extralinguistic (cultural, historical, social, psychological), and linguistic factors (a lack of gender as a grammatical category in Lezgin, which is inherent in the Ukrainian language).

Verbal behavior, tenor of communication, addresses, gender asymmetries, androcentric, femininity, masculinity, Ukrainians, Lezgins.

Введение

На современном этапе развития лингвистического знания наблюдается активизация внимания ученых к гендерным исследованиям, ориентированным на изучение речевого поведения мужчин и женщин, их предпочтений в выборе лексики, фразеологических оборотов, этикетных форм, синтаксических конструкций и т.д., а также влияния данных речевых средств на успешность коммуникации. Повышенный интерес лингвистов к гендерной проблематике обусловлен сменой научных приоритетов в языкознании, в частности переходом от прагматической трактовки сущности языка к анализу языковых явлений с позиций антропоцентризма. Антропоцентрический взгляд на языковые проблемы, сфокусированный на индивидуальных параметрах человеческой личности,

способствовал развитию идеи о том, что пол человека представляет собой не только биологическую субстанцию, но и культурно детерминированный мыслительный конструкт (гендер). Соответственно, гендерно обусловленные модели речевого поведения задаются не природой, а конструируются обществом, предписываются институтами социального контроля и культурными традициями [1].

Проблема гендера в лингвистике не является новой. Особенности речевого поведения мужчин и женщин (на материале романских и германских языков) впервые системно описываются в трудах зарубежных лингвистов: Д. Спендер, Р. Лакофф, О. Есперсена, П. Браун, У. Лабова, П. Траджилла и др. И хотя не все выводы ученых нашли подтверждение, полученные ими данные «способствовали

формированию широкого лингвистического направления, переросшего впоследствии в более взвешенные гендерные исследования» [5, с. 65]. В российском языкознании общетеоретические основы гендерного подхода к анализу языка сформулированы в работах А.В. Кирилиной, И.И. Халеевой, Е.С. Гриценко, М.Д. Городниковой, Е.И. Горошко, в которых гендер рассматривается как культурно обусловленный конструкт, позволяющий «выявить общее и особенное в концептуализации маскулинности и феминности в различных культурах» [5, с. 12]. Существенный вклад в осмысление гендерной проблематики, в частности изучение особенностей отражения гендерных отношений на разных языковых уровнях и в различных типах дискурсов, внесли: И.А. Стернин, Е.А. Земская, Н.В. Телия, Г.Е. Крейдлин, Ю.С. Степанов и др. Когнитивный подход к анализу гендерных особенностей речевого поведения личности реализуется в работах украинских лингвистов (О.Л. Бессоновой, А.П. Мартынюк и др.).

Несмотря на стремительное развитие гендерных исследований, проблема взаимодействия языка и гендера в современной лингвистике остается одной из самых малоизученных. До сих пор недостаточно разработаны методологические вопросы, связанные с изучением языка как средства конструирования гендера. Большинство работ по гендерной проблематике выполнено на материале английского, русского, немецкого, французского и других влиятельных языков мира, тогда как другие, не менее яркие в гендерном отношении языки, изучены не столь детально. Фрагментарно представлены работы сопоставительного характера, направленные на изучение механизмов передачи гендерных смыслов в разноструктурных языках. Нуждается в дальнейшем развитии гипотеза о неодинаковой степени андроцентричности различных языков и культур. Не все языковые феномены, отражающие гендерные особенности речевого поведения, становились объектом научного анализа (к наименее изученным в этом плане относится речевой этикет).

Актуальность работы обусловлена высоким интересом научного сообщества к гендерным аспектам языка и коммуникации, а также назревшей необходимостью теоретического осмысления изложенных выше проблем, которые до сих пор не получили должного освещения.

Объектом исследования являются обращения украинского и лезгинского языков. Выбор языков для сопоставления мотивирован следующими обстоятельствами.

1. Отражение гендерных отношений в украинском и лезгинском языках имеет высокую этнокультурную специфичность, обусловленную как экстралингвистическими (культурно-историческими, социальными, психологическими), так и собственно языковыми факторами (отсутствием в лезгинском языке грамматической категории рода, присущей украинскому языку).

2. Интенсификация в современном мире общественных, культурных и языковых контактов между представителями неродственных культур, в частности между славянами и народами Кавказа, актуализирует необходимость более глубокого изучения особенностей их речевого поведения, поиска эффективных языковых механизмов для бесконфликтного взаимодействия.

3. Попытка анализа гендерных особенностей обращений на материале украинского и лезгинского языков предпринимается впервые, что определяет новизну предложенного исследования.

Цель статьи – изучить гендерные особенности речевого поведения украинцев и лезгин, выявить факты наличия/отсутствия гендерных асимметрий в украинских и лезгинских обращениях, проанализировать общие и национально специфические черты в реализации гендерных отношений в обращениях украинцев и лезгин.

Основная часть

Бинарная оппозиция «мужественность» – «женственность» является универсальной категорией, присущей любой культуре. Вместе с тем, она характеризуется определенной национальной спецификой, обусловленной социально-историческим и духовным опытом этноса. У лезгин и украинцев за многовековую историю сложились собственные представления о «мужественности» и «женственности», что объясняется в первую очередь социально-историческими и психологическими факторами. Базовой особенностью украинской ментальности является особое отношение к женщине и ее социальным функциям. Как отмечают украинские этнографы и социологи, «даже после утверждения патриархальной системы в Украине матриархат, пусть и не в главенствующей форме, остался навсегда укорененным в украинской психике. <...> женщина в Украине не только была равноправной с мужчиной, не только находилась в центре духовности украинской семьи, но и вошла в мифологический архетип Богини-Матери» [11, с. 413]. Материнское семейное воспитание, в котором почти не участвовал отец как мужской фактор, формировало женские моральные нормы, идеалы и соответствующие им правила речевого поведения. И.А. Полищук предполагает, что «из таких преимущественно женских подходов к воспитанию и формированию характера и прежде всего кордоцентричности, эмоциональности возникает в украинском менталитете преобладание чувств над разумом, сентиментальность, чрезмерная чувствительность, определенная непоследовательность, нехватка воли, известный анархизм и т.д.» [12, с. 91].

В лезгинской культурной традиции наблюдается иная тенденция. Внутренний уклад традиционного дагестанского общества всегда имел ярко выраженную иерархическую структуру с патриархальными порядками, основанными на жестком разграничении мужских и женских ролей с безусловным главенством мужчины и подчиненным положением женщины. И хотя согласно Корану мужчина не имеет перед женщиной никаких преимуществ, поскольку все перед Аллахом равны, неравенство полов до настоящего времени является отличительным признаком социальной и духовной жизни горцев. Однако отношения между мужчиной и женщиной в Дагестане нельзя рассматривать как антагонистические и автори-

тарные. Мужское доминирование, закрепившееся в стереотипах общественного сознания дагестанцев, органически соотносится с глубоким уважением женщины-матери, хранительницы семейного очага, о чем красноречиво свидетельствуют различные жанры фольклора, в частности пословицы: *Диде хъайила, буба жигъида* 'Была бы мать, а отец найдется' [8, с. 65]; *Буба къейитла садра етим, диде къейитла иридра етим жеда* 'Если отец умрет, однажды будешь сиротой, а если мать умрет, – семь раз' [8, с. 69]; *Папаз клан хъайитла, ламракай итим ийида* 'Жена захочет – из осла мужчину сделает' [8, с. 168]; *Паб устлар я, гъуыл – фъале* 'Муж (в семье) – подмастерье, а жена – мастер' [8, с. 227] и др. Данные народные изречения подтверждают высказанное учеными предположение о том, что многое в дагестанских языках «сохранилось и от эпохи матриархата» [3, с. 436].

На иных принципах в дагестанской культуре основывалось и воспитание детей. Согласно патриархальному мировоззрению горцев, сын – гордость отца, защитник и продолжатель рода. Рождение дочери – печальное событие, так как дочь создает семью для чужих [2]. В современном обществе подобные взгляды считаются устаревшими, однако приоритет мальчиков в многодетной дагестанской семье до сих пор сохраняется, а традиционный семейный уклад характеризуется жесткой семейной иерархией (жена подчиняется мужу, сестры подчиняются братьям). В Дагестане воспитание девочек и мальчиков осуществляется по-разному, что обусловлено необходимостью привития детям соответствующих навыков с учетом их будущей роли в общественной жизни. В связи с этим, общение с девочками имеет отличный от общения с мальчиками характер. В воспитании детей, особенно мальчиков, мужчина принимает активное участие.

Культурно и ментально детерминированными являются не только представления о «мужском» и «женском», но и их языковая репрезентация. Как утверждает А.В. Кирилина, «номинативная система языков неодинаковым образом манифестирует концепты “мужественность” и “женственность” и придает им неодинаковое значение» [5, с. 57]. Гендерные отношения фиксируются в языке в виде культурно обусловленных стереотипов, накладывая отпечаток на речевое поведение личности и на процессы ее языковой социализации [5]. Одной из выразительных форм объективации и манифестации гендера является обращение – «частотная единица общения, а именно адресации, несущая важнейшую контактоустанавливающую функцию» [15, с. 83]. В украинском и лезгинском языках под влиянием социально-исторических, культурных и психологических факторов сформировалась своя система обращений, которая дает четкое представление о ключевых стратегиях речевого поведения мужчин и женщин в исследуемых культурах. В результате сопоставительного анализа выявлено, что в обоих языках в ситуации обращения к собеседнику наблюдаются гендерные асимметрии. При этом следует отметить, что в лезгинском языке гендерные различия более заметны.

1. Гендерные особенности лезгинских обращений

По гендерному признаку лезгинские обращения можно поделить на две группы:

- 1) обращения, употребляемые в речи мужчин;
- 2) обращения, употребляемые в речи женщин.

1.1. Обращения в речи мужчин

Как показывают наблюдения, лезгины, как и все дагестанцы, отдают предпочтение общению с представителями своего пола, что поддерживается силой общественного мнения и системой воспитания, причем данная тенденция сильнее проявляется у мужчин. В связи с этим, в лезгинском языке отмечается наличие так называемых «маскулинных» обращений, которые функционируют исключительно в мужской коммуникации. Примечательно, что горцы-мужчины сравнительно редко называют собеседника по имени. В качестве обращений чаще всего используются имена нарицательные. Так, в непринужденном общении мужчин друг с другом широко распространено выражение *я кас!* 'эй, кас!', которое имеет нейтральную стилистическую окраску и выполняет апеллятивную функцию. В современном лезгинском языке слово *кас* имеет несколько значений: человек, личность, лезгин и др. [8, с. 94]. Своими корнями оно восходит к мифологическим представлениям лезгинского народа, согласно которым первым человеком, созданным богами, был представитель мужского пола – Кас. Отсюда – древнее самоназвание лезгин – *касар / касар* 'лезгины' (множественное число от имени Кас). Кроме того, самый популярный персонаж из первого поколения лезгин – Кас-Буба (букв. 'дед касов') – посланник богов, олицетворение народной мудрости, духовности, предсказатель, хранитель традиционной культуры лезгин. Как видим, название этноса (этноним) и имя первого человека у лезгин совпадают. Обращение *я кас!* в лезгинском языке стало основой для образования более сложных по структуре вокативов, среди которых особой популярностью среди мужчин пользуется выражение *я хва къей кас!* 'Ах, ты!' (букв. 'человек, у которого умер сын'), используемое в условиях непринужденного общения для выражения удивления или досады [13, с. 900]. Функционирование обращений с компонентом *кас* исключительно в мужской коммуникации свидетельствует о том, что в языковом сознании лезгин данное понятие отождествляется в первую очередь с мужским началом.

Функцию привлечения внимания незнакомого адресата выполняет и стилистически нейтральный вокатив *яда!* 'эй, юноша!'; 'эй, слушай!' [8, с. 277], который адресуется исключительно лицам мужского пола. Данное обращение образовано в результате сращения двух компонентов: апеллятивной частицы *я* и усеченной формы существительного *гада* 'мальчик, сын, парень' [8, с. 40]. В общении равных по возрасту мужчин оно является маркером панибратских отношений, а при обращении старшего мужчины к младшему способствует созданию непринужденной атмосферы общения. Примечательно, что обращение *яда!* не является исключительно мужским. В общении с младшим либо равным по возрасту

ту собеседником мужского пола его используют и женщины.

Общаясь друг к другу, мужчины нередко используют и другие термины родства, которые, употребляясь в переносном значении, способствуют быстрому установлению контакта с собеседником и созданию доброжелательной тональности общения. Выбор такого рода вокативов мотивируется в первую очередь возрастными особенностями коммуникантов. Так, незнакомому старшему по возрасту мужчине адресуют обращения: *я буба* 'отец, дедушка', *я дах* 'отец', *я халу* (диал. *дайи*) 'дядя' [8], которые свидетельствуют об уважительном отношении к собеседнику. В диалектной речи встречается форма *я тха* 'браток', 'папа, папаша' [13, с. 214], которая в зависимости от коммуникативных условий может иметь либо почтительный, либо фамильярный оттенок. В неформальном общении старшего с младшим вполне уместен вокатив *я хва* 'эй, сынок' [13, с. 900], а знаком дружеских намерений по отношению к равному по возрасту мужчине является обращение *я стха* 'эй, брат' [13, с. 762]. В диалоге со знакомым адресатом, равным либо младшим по возрасту, нередко используются обращения: *я кьей хва* 'эй, умерший сын'; *я кьей стха* 'эй, умерший брат' либо их сокращенная форма *я кьей* 'эй, умерший' [13], которые не являются оскорбительными, а свидетельствуют о дружеских отношениях общающихся. В диалоге давних знакомых, друзей употребляется этикетная форма *я кьадаш* 'приятель, дружище, братец' [8], выступающая маркером фамильярной тональности общения.

Коммуникация между мужчинами и женщинами у лезгин всегда асимметрична и строго регламентирована, даже если участники диалога имеют равные возрастные и социальные характеристики. Фамильярный тон общения, а также открытое проявление чувств и эмоций по отношению к представителю противоположного пола не только не приветствуются, но и резко осуждаются. Практически в любых ситуациях общения между мужчинами и женщинами устанавливается этикетная дистанция, предполагающая обязательное соблюдение разнообразных контактных и вербальных табу. Например, в присутствии посторонних муж и жена никогда не называют друг друга по имени, избегают ласковых слов, невербальных контактов и т.д. Общение дочери с отцом также имеет подчеркнуто сдержанный характер. Такое четко регламентированное этикетное поведение в лезгинской семье не является случайностью. Оно объясняется древним обычаем избегания (ограниченного взаимодействия) в общении детей и родителей, жены и мужа, а также их родственников, который с древних времен существовал в культуре многих народов Кавказа. Общаясь к женщине, лезгины используют различные речевые средства, выбор которых зависит от степени знакомства и родства коммуникантов, их возраста, социального статуса, характера взаимоотношений, а также обстановки общения (взаимодействие происходит наедине или в присутствии третьих лиц). Наиболее распространенным является стилистически нейтральный вокатив *я руш* 'девушка, девочка, дочь' [8, с. 187], который в

рамках семейного общения адресуется дочери или невестке, а за пределами семьи употребляется в качестве вежливого обращения к младшей по возрасту представительнице женского пола, независимо от степени знакомства с ней. В общении со своими ровесницами мужчины довольно часто используют вокатив *я вах* 'сестра' как знак симпатии, доброжелательного отношения к знакомой либо незнакомой собеседнице.

Как отмечалось выше, лезгины в общении с женщинами довольно сдержаны и не склонны к открытому проявлению эмоций. Однако, общаясь с представительницей женского пола наедине, горцы охотно проявляют присущие им от природы экспрессивность и красноречие. Этим обусловлено функционирование в речи лезгинских мужчин большого количества эмоционально-оценочных обращений, используемых в рамках интимного дискурса. Обращения к возлюбленной в лезгинском языке имеют метафорический характер. Большинство из них возникло на основе различных ассоциаций с объектами и явлениями окружающей действительности: *алма* 'яблочко', *цукь* 'цветок', *бевевиша* 'фиалка', *жейран* 'лань', *варз* 'луна', *экуьнин гьед* 'утренняя звезда', *маржан* 'жемчуг' и др. В поэтической речи функционируют вокативы, построенные на более сложных ассоциациях: *кьефесда хвей вили лиф* 'сизая голубка, взращенная в клетке'; *назлу кьелем ширин алчадин* 'горделивый саженец сладкой алычи'; *шекер набат* 'сахарный леденец'; *кьвачер яру вили лиф* 'сизая голубка с красными лапками' и др. [9, с. 57]. Данные формы являются ценным источником информации гендерного характера. Психологи утверждают, что использование мужчинами обращений, построенных на сравнении женщины с маленькими животными, объектами растительного мира, лакомствами и т.д. свидетельствует об отношении к ней как к человеку, имеющему более низкий статус [4, с. 258].

1.2. Обращение в речи женщин

Если мужчины, общаясь друг с другом, в большинстве случаев отдают предпочтение стилистически нейтральным вокативам, то в речевом общении женщин доминируют характеризующие обращения с позитивной или негативной эмоциональной оценкой: *чама* 'милочка'; *кьвал кьени хьайиди* 'счастливая, дорогая' (букв. 'у которой дом процветает'); *кьвал чьур хьайиди* 'несчастливая' (букв. 'у которой дом разрушился'); *хизан текьейди* 'дорогая, моя хорошая' (букв. 'та, чья семья не умерла'); *я гуж тахьайди* (букв. 'не перегружившаяся тяжелым трудом, не больная') [9] и др. Использование таких форм возможно лишь по отношению к сверстнице в дружеской тональности общения. В разговорной речи представительниц младшего и среднего поколения распространено выражение *я кьей + вах* 'эй, умершая сестра' либо его сокращенный вариант *я кьейди* 'эй, умершая (покойница)' [9, с. 51–52]. Данные вокативы не считаются оскорбительными, а, напротив, свидетельствуют о симметричности коммуникативной ситуации, непринужденном характере общения. Наряду с эмоционально окрашенными обращениями в женской речи функционируют и стилистически ней-

тральные формы: *я руш* – обращение к ровеснице или младшей по возрасту собеседнице; *я юлдаш* ‘подруга’, *я вах* ‘сестра’ – обращения к ровесницам; *я хала* ‘тетя’ – обращения к старшему по возрасту адресату и др. [9].

Согласно сложившимся в Дагестане традициям и нормам воспитания лезгинские женщины в общении с представителями противоположного пола должны вести себя скромно и сдержанно, поэтому фамильярные и чрезмерно эмоциональные высказывания по отношению к мужчине в их речи не приветствуются. Обращаясь к мужчине, женщины отдают предпочтение лаконичным, стилистически нейтральным формам, выбор которых мотивируется в первую очередь возрастными характеристиками коммуникантов, а также степенью их родства и обстановкой общения (взаимодействие происходит наедине или в присутствии третьих лиц). Наиболее продуктивными среди вокативов такого рода являются термины родства, которые в рамках семейного дискурса адресуются кровным родственникам, а за его пределами выступают эффективным средством установления контакта с собеседником с учетом его возрастных особенностей: *я буба*, *дах* ‘папа, отец’ – обращения к адресату старшего возраста; *я стха* ‘брат’ – обращение к ровеснику; *я гада* ‘сын, парень’ – обращение к ровеснику или младшему по возрасту адресату и др. Вместе с тем, в общении с мужчиной наедине женщины более свободны в выборе обращений и активно используют эмоционально окрашенные формы, свидетельствующие о характере взаимоотношений общающихся. Среди них наиболее востребованы вокативы, выраженные субстантивированными прилагательными, нередко в сочетании с притяжательным местоимением *мой*: *зи кланди* ‘мой возлюбленный’, *масан* ‘дорогой’, *рикI* ‘любимый’, *играми* ‘желанный’, *зас авай сад* ‘мой единственный’ [8] и др.

Отличительной особенностью лезгинского языка является отсутствие в нем грамматической категории рода, способствующей акцентуации гендерной идентичности. Разграничение обращений по признаку пола осуществляется лексико-семантическим способом, который предполагает использование в качестве обращений к мужчине и женщине разнокоренных лексем с различной семантикой, например: *я руш* – обращение к девушке, *я гада* – обращение к парню. Однако в большинстве случаев обозначение пола с помощью речевых средств в общении лезгин имеет необязательный характер и самими говорящими не осознается. Именно этим обстоятельством можно объяснить наличие в лезгинском языке обращений, в семантике которых не содержится указания на пол собеседника и которые могут в равной степени адресоваться как мужчинам, так и женщинам: *зи масанди* ‘мой дорогой / моя дорогая’; *гьуьрметлу* (*гьуьрметлуди*) ‘уважаемый / уважаемая’; *кIвал чIур тахъайди* – ‘милый (-ая), любезный (-ая)’ (букв. ‘не потерявший (-ая) дом’); *хизан сагъ хъайди* ‘обладающий (-ая) благополучной семьей’; *хва (хизан) текъейди* ‘не потерявший (-ая) сына (семью)’ [10, с. 24] и др. Примечательно, что лезгинский язык в силу своей агглютинативности располагает большим арсеналом различных аффиксов, однако специфиче-

ские суффиксы для выражения гендерных признаков в нем отсутствуют. Тем не менее, в современной речи лезгин иногда встречаются обращения с суффиксами женского рода, заимствованными из русского языка, например: *дидешка*, *бахка* ‘мамочка’; *дахка* ‘папочка’; *эмешка* – ласковое обращение к тете по отцовской линии др. Данная тенденция прослеживается в основном в терминах родства, выполняющих роль обращений в рамках семейного дискурса, а также в личных именах, используемых в речи молодых представительниц женского пола по отношению к сверстницам: *Аниятка*, *Сельминатка* и др.

2. Гендерные особенности украинских обращений

Следует отметить, что в общении украинцев граница между мужской и женской речью не столь выразительна, как в общении лезгин, поэтому провести четкую границу между женскими и мужскими вариантами обращений здесь довольно сложно. Наблюдаются лишь определенные тенденции к употреблению тех или иных форм, определяющие специфику женского или мужского речевого поведения. Примечательно, что если в лезгинском языке первостепенную роль в выборе вокативов играют гендерные и возрастные различия, то в украинском языке в ряде случаев приоритетными являются другие факторы (степень знакомства, социальный статус, тональность общения и др.).

В украинском языке, как и в других языках флективно-синтетического типа, вербальное обозначение гендерной принадлежности адресата является обязательным. Оно осуществляется либо лексическими (*батьку* – *мамо*, *сину* – *доню*), либо морфологическими средствами. Ведущую роль в выражении грамматической категории рода играют флексии: *шановний пане* – *шановна пані* и формообразующие суффиксы: *добродію* – *добродійко* (при этом обращения женского рода являются производными от вокативов мужского рода, а не наоборот). Кроме того, большое значение в отражении гендерных отношений имеет экспрессивная деривация, в частности суффиксы субъективной оценки, способные передавать широкий диапазон чувств и эмоциональных оттенков. В украинском языке деинувативные формы обращений используются как по отношению к женщинам (например, к матери: *мамочко*, *мамонько*, *мамуню*, *мamusю*, *мamusечко*, *мamusенько*, *мамунечко*, *мамцю*, *мамуньцю*, *матінко*, *матіночко*, *матусенько* и др.), так и по отношению к мужчинам (например, к отцу: *татку*, *таточко*, *татенько*, *татонько*, *татуню*, *татулю*, *татунцю*, *татусю* и др.). Вокативы с суффиксами субъективной оценки функционируют преимущественно в женской речи, хотя в определенных коммуникативных условиях (например, при обращении к ребенку или женщине) ими активно пользуются и мужчины, что свидетельствует об эмоционально-чувственном характере украинского менталитета.

К обращениям, в семантике которых содержится указание на пол собеседника, относятся формы: *чоловіче*, *жінко*, *хлопче*, *парубоче*, *дівчино*, в которых прослеживается органическая связь с устным народным творчеством. Выбор данных форм привлечения

внимания собеседника, помимо гендерного фактора, мотивируется возрастными особенностями адресата. Так, при обращении к лицу мужского пола, равному с адресантом по возрасту и социальному положению, используется вокатив *чоловіче*, нередко в сочетании с определением *добрий*, что способствует созданию доброжелательной тональности общения: *Спасибі тобі, добрий чоловіче, за ласкаве слово, за гроші і за "старину запорозьку"* [16, т. 6, с. 19]. В украинском языке лексема *чоловік* имеет и другие значения: человек; женатый человек [14, с. 469]. Как видим, в украинском языковом сознании, как и в языковом сознании лезгин, понятия «человек» и «мужчина» воспринимаются как тождественные и обозначаются одной лексемой, что является отголоском патриархально-родовых отношений. При обращении к взрослой незнакомой женщине, равной или старшей по возрасту, употребляются формы: *жінка (жіночко)*: – *Жінко, жіно гарная, Хто ж ты буде обнимати, Як я буду воювати?* [укр. нар. песня]. Они же могут адресоваться жене говорящего: *Бувай здорова, моя кохана жіночко!* [6, с. 194]. Стилистически нейтральными обращениями к юноше, молодому неженатому мужчине являются вокативы: *хлопче, парубоче*, а к молодой незамужней особе женского пола, а также любимой девушке, невесте – *дівчино, дівчинонько*: *Чуши, хлопче? Ходи сюди! Не бійсь, не злякаю* [16, т. 2, с. 162]; *Прощай, дівчинонько, прощай серце коханес* [укр. нар. песня]. В современном украинском языке обращения *чоловіче, жіно (жіночко), хлопче, парубоче, дівчино* функционируют исключительно в разговорной речи. При этом в процессе общения они несут различную коммуникативную нагрузку. Если вокативы *дівчино, хлопче* в большинстве случаев способствуют созданию доброжелательной тональности общения, то формы *чоловіче, жіно (жіночко)* как наименования, акцентирующие внимание на более зрелом возрасте адресата, содержат оттенок фамильярности и поэтому выходят за рамки вежливой коммуникации. Гендерно-ориентированные обращения характерны как для женской, так и для мужской речи, однако в речевом общении мужчин они более востребованы, что обусловлено особенностями мужской психологии. В сознании мужчин, в отличие от женщин, указание на пол и степень зрелости не вызывает негативной реакции. Кроме того, слово *чоловік* 'мужчина' в украинском языке имеет исключительно положительную семантику, поэтому в роли обращения используется чаще, нежели лексема *жінка*. К обращениям, указывающим на пол собеседника, относятся также термины родства. Данные вокативы в украинском языке могут употребляться как в прямом значении (в рамках семейного дискурса), так и в переносном (при общении с людьми, с которыми говорящий не состоит в родственных связях). Например: *діду (дідусю)* – обращение к отцу отца или матери, а также незнакомому мужчине преклонного возраста; *бабо (бабусю)* – обращение к матери отца или матери, а также пожилой женщине; *батьку (батечку)* – обращение к отцу, тестю, свекру, а также старшему по возрасту незнакомому адресату; *мамо (мамочко, матінко)* – обращение к матери, теще, свекрови, а также к лю-

бой старшей по возрасту женщине; *сину (синку), доню (донечко)* – обращения к сыну/дочери либо к собеседнику, который значительно младше по возрасту; *брате (братику), сестро (сестричко)* – обращения к сестре/брату либо к равному по возрасту адресату и т.д. За пределами семейного дискурса украинские обращения-термины родства функционируют в разговорной речи как знак уважительного и доброжелательного отношения к собеседнику: *Ходім, ходім, отамане, Батьку ти мій, брате, Мій єдиний!* [16, т. 2, с. 163]. Однако сегодня некоторые из них постепенно утрачивают свою актуальность. Так, вокативы *батьку, брате*, которые в XIX веке часто использовались в общении мужчин равного социального статуса, друзей, единомышленников, сегодня воспринимаются как фамильярные и не соответствующие вежливой тональности общения. Постепенно выходит из активного употребления и вокатив *сестро (сестричко)*, широко распространенный в различных жанрах украинского фольклора. Таким образом, украинские термины родства, употребляясь в переносном значении, имеют более ограниченную сферу функционирования, нежели лезгинские, что указывает на большую межличностную дистанцию в общении украинцев с незнакомым адресатом.

В рамках интимного общения, обращаясь к собеседнику, украинцы часто используют метафорические образования, построенные на основе персонификации предметов и явлений окружающей действительности, что свидетельствует об анимистическом характере их мировоззрения. Обращаясь к любимой женщине, украинские мужчины отдают предпочтение вокативам, построенным на основе персонификации небесных светил: *сонечко (мое!); (моя) зірочко (зіронько!); ясная зоре (моя!);* растений: *моя квіточко!; моя хистка лілес!; вербиченько!; берізка!; моя ти ягідко!; птиц: (моя) пташко!; (моя) горлице (горличко) сизокрила!; (моя) ластівко (ластівочко!); (моя) зозуле (зозуленько!); абстрактных понятий: *скарбе мій найдорощий!; радість моя!; мое ти золото!; коханнячко мое любе (солодке, гаряче)* и др. Высокий показатель частотности имеют метонимические формы: *мое серце (серденько, серденьотчко) кохана (ласкаве, любе)! и др.* К народнопоэтическим образам нередко обращаются и женщины в общении с любимым мужчиной: *А Оксана, як голубка, Воркус, цілує. То заплаче, то зомліє, Головоньку схилисть: «Серце мое, доле моя! Соколе мій милий!..»* [16, т. 2, с. 146]. Традиционные обращения-символы *голубе, соколику, лебедику* часто используются при обращении мужчин друг к другу для создания атмосферы дружеских, доверительных отношений: *Обіймаю Вас від серця, мій соколе ясенький!* [7, с. 304]. В украинском языке многие интимные обращения образуют гендерные пары. При этом женские формы являются производными от мужских: *лебедику – лебідко (лебідочко, лебідонько); голубе (голубчику) – голубко (голубочко, голубонько)* и др.*

Выводы

Проведенный анализ позволяет констатировать, что отражение гендерных отношений в обращениях

украинского и лезгинского языков имеет как универсальные, так и национально специфические черты, обусловленные социально-историческим и языковым опытом этносов. В обращениях обоих языков обнаружены гендерные асимметрии и тенденция к андроцентричности – доминированию мужского начала, что объясняется влиянием патриархальной культуры. При этом лезгинский язык более андроцентричен, нежели украинский, что проявляется в строго регламентированном и сдержанном характере общения между представителями разных полов; четком разграничении мужских и женских моделей речевого поведения, функционировании «мужских» и «женских» вокативов. Однако факты отсутствия в лезгинском языке грамматической категории рода и наличия гендерно-нейтральных обращений несколько снижают степень его андроцентричности. В украинском языке для обозначения гендерной идентичности существуют специальные морфологические средства (флексии и суффиксы), однако они не закреплены за определенным родом. Многие украинские вокативы образуют гендерные пары, при этом обращения женского рода являются производными от мужских, а не наоборот, что является примером мужского доминирования в языке. В украинской речи четкая граница между женскими и мужскими вариантами обращений отсутствует, а гендерные различия имеют скорее количественный, нежели качественный характер (т.е. каких-то элементов в речи мужчин больше, чем в речи женщин, и наоборот), что способствует установлению более демократичных отношений между полами. Таким образом, в украинских обращениях мужское и женское начала проявляются практически в равной степени, что обусловлено социально-историческими факторами. Современные мужчины и женщины в обеих культурах открыто конкурируют друг с другом, что проявляется не только в общественной деятельности, но и в языке. Однако ослабление гендерной поляризации не устраняет гендерных различий даже в такой чувствительной к социальным изменениям сфере как речевое общение.

Литература

1. Воронина О.А. Введение в гендерные исследования // Материалы первой Российской школы по женским и гендерным исследованиям «Валдай-97». М., 1997. С. 29–34.
2. Ганиева Ф.А. Отраслевая лексика лезгинского языка. Махачкала, 2004.
3. Гасанов М.М. Пословицы и поговорки. Традиционный фольклор народов Дагестана. М., 1991.
4. Ильин Е.П. Пол и гендер. СПб., 2010.
5. Кирилина А.В. Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации. М., 2004.
6. Коцюбинський М. Зібрання творів: у 7 т. Т. 5. К., 1974.
7. Куліш П. Твори та листи. К., 1908. Т. 2.
8. Лезгинско-русский словарь. М., 1966.
9. Магамдаров Р.Ш. Лингвокультурологический анализ концепта «Фемина» в лезгинском языке: дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 1999.

10. Магамедова М.М. Сопоставительное исследование гендерной лексики и фразеологии лезгинского и русского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2006.

11. Петрушина Т.О. О ментальности украинского этноса // Соціальні виміри суспільства: Збірник наукових праць. К., 2011. Вип. 3 (14). С. 399–429.

12. Поліщук І.О. Ментальність українства: політичний аспект // Людина і політика. 2001. № 1. С. 86–92.

13. Словарь лезгинского языка. М., 2003.

14. Словарь української мови: в 4 т. К., 1958.

15. Формановская Н.И. Обращения с точки зрения коммуникативно-прагматического подхода // Специализированный вестник КрасГУ. 2000. Вып. 11. С. 83–88.

16. Шевченко Т. Зібрання творів: у 6 т. К., 2003.

References

1. Voronina O.A. Vvedenie v gendernye issledovaniia [Introduction to Gender Studies]. *Materialy pervoi Rossiyskoi shkoly po zhenskim i gendernym issledovaniyam «Valday-97»* [Proceedings of the first Russian school for women's and gender studies "Valday-97"]. Moscow, 1997, pp. 29–34.

2. Ganieva F.A. *Otraslevaya leksika lezghinskogo iazyka* [Vocabulary Lezgi]. Makhachkala, 2004.

3. Gasanov M.M. *Poslovitsy i pogovorki. Traditsionnyi fol'klor narodov Dagestana* [Proverbs and sayings. Traditional folklore of the peoples of Dagestan]. Moscow, 1991.

4. Il'in E.P. *Pol i gender* [Sex and gender]. SPb., 2010.

5. Kirilina A.V. *Gendernye issledovaniia v lingvistike i teorii kommunikatsii* [Gender studies in linguistics and communication theory]. Moscow, 2004.

6. Kotsyubyn'skiy M. *Zibrannya tvoriv: u 7 t.* [Collected Works]. T. 5. Kiev, 1974.

7. Kulish P. *Tvori ta listi* [Works and letters]. Kiev, 1908. T. 2.

8. *Lezghinsko-russkiy slovar'* [Lezghian-Russian Dictionary]. Moscow, 1966.

9. Magamdarov R.Sh. *Lingvokulturologicheskiy analiz kontsepta «Femina» v lezghinskom iazyke: dis. ... kand. filol. Nauk* [Comparative research of gender vocabulary and phraseology Lezgi and Russian Languages. Doct. Dis.]. Makhachkala, 1999.

10. Magamedova M.M. *Sopostavitel'noie issledovaniie gendernoi leksiki i frazeologii lezghinskogo i russkogo iazykov* [Comparative research of gender vocabulary and phraseology Lezgi and Russian Languages. Doct. Dis.]. Makhachkala, 2006.

11. Petrushina T.O. O mental'nosti ukrainskogo etnosa [About the mentality of Ukrainian ethnos] *Sotsial'ni vimiri suspil'stva: Zbirnik naukovikh prats'* [The social dimensions of society: Collected Works]. Kiev, 2011, Vip. 3 (14), pp. 399–429.

12. Polishchuk I.O. Mental'nist' ukrainstva: politichnyi aspekt [The mentality of Ukrainians: political aspect] *Lyudina i politika* [Man and politics], 2001, no 1, pp. 86–92.

13. *Slovar' lezghinskogo iazyka* [Dictionary Lezgi]. Moscow, 2003.

14. *Slovar' ukrains'koï movi: v 4 t.* [Ukrainian Language Dictionary]. Kiev, 1958.

15. Formanovskaia N.I. Obrashcheniia s tochki zreniia kommunikativno-pragmaticheskogo podkhoda [Appeals from the point of view of communicative-pragmatic approach]. *Spetsializirovannyi vestnik KrasGU* [Specialized Gazette Krasnoyarsk State University], 2000, Vyp. 1, pp. 83–88.

16. Shevchenko T. *Zibrannya tvoriv: v 6 t.* [Collected works]. Kiev, 2003.